

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

Митрополит Сурожский Антоний. Притча о блудном сыне

Еще сказал: у некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю страну и там расточил имение свое, живя распутно. Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться;

и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествует хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих. Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного пеленка, и заколите; станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мертв и ожил, и пропадал и найден. И начали веселиться. Старший же сын его был на поле; и возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование; и, призвав одного из слуг, спросил: что это такое? Он сказал ему: брат твой пришел, и отец твой

заколол откормленного тельца, потому что принял его здоровым. Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его. Но он сказал в ответ отцу: вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного тельца. Он же сказал ему: сын мой! Ты всегда со мною, и веемое твое, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся (Лк.15,11-32).

Эта притча чрезвычайно богата содержанием. Она лежит в самой сердцевине христианской духовности и нашей жизни во Христе; в ней человек изображен в тот самый момент, когда он отворачивается от Бога и оставляет Его, чтобы следовать собственным путем в «землю чуждую», где надеется найти полноту, преизбыток жизни. Притча также описывает и медленное начало, и победоносное завершение пути обратно в отчий дом, когда он, в сокрушении сердца, избирает послушание.

Прежде всего, это вовсе не притча об отдельном грехе. В ней раскрывается сама природа греха во всей его разрушительной силе. У человека было два сына; младший требует от отца свою долю наследства немедленно. Мы так привыкли к сдержанности, с какой Евангелие рисует эту сцену, что читаем ее спокойно, словно это просто начало рассказа. А вместе с тем, если на минуту остановиться и задуматься, что означают эти слова, нас поразит ужас. Простые слова: Отче, дай мне... означают: «Отец, дай мне сейчас то, что все равно достанется мне после твоей смерти. Я хочу жить своей жизнью, а ты стоишь на моем пути. Я не могу ждать, когда ты умрешь: к тому времени я уже не смогу наслаждаться тем, что могут дать богатство и свобода. Умри! Ты для меня больше не существуешь. Я уже взрослый, мне не нужен отец. Мне нужна свобода и все плоды твоей жизни и трудов; умри и дай мне жить!»

Разве это не самая сущность греха? Не обращаемся ли мы к Богу так же спокойно, как младший сын из евангельской притчи, с той же наивной жестокостью требуя от Бога все, что Он может нам дать: здоровье, физическую крепость, вдохновение, ум, — все, чем мы можем быть и что можем иметь — чтобы унести это прочь и расточить, ни разу не вспомнив о Нем? Разве не совершаем мы снова и снова духовное убийство и Бога и ближних — детей, родителей, супругов, друзей и родных, товарищей по учебе и по работе? Разве мы не ведем себя так, будто Бог и человек существуют только ради того, чтобы трудиться и давать нам плоды своей жизни, да и самую жизнь, а сами по себе не имеют для нас высшего значения? Люди и даже Бог — уже не личность, а обстоятельства и предметы. И вот, взяв с них все, что они могут нам дать, мы

поворачиваемся к ним спиной и оказываемся на бесконечном расстоянии: для нас они безличны, мы не можем встретиться с ними взором. Вычеркнув из жизни того, кто нам дал что-то, мы становимся самоуправными обладателями и исключаем себя из тайны любви, потому что больше ничего не можем получить и неспособны давать сами. Это и есть сущность греха — исключить любовь, потребовав от любящего и дающего, чтобы он ушел из нашей жизни и согласился на небытие и смерть. Это метафизическое убийство любви и есть грех в действии — грех сатаны, Адама и Каина.

Получив все богатство, которым одарила его «смерть» отца, даже не оглянувшись, со свойственным молодости легкомыслием, младший сын покидает надоевшую ему безопасность родительского крова и с легким сердцем устремляется в края, где ничто не будет стеснять его свободы. Отделавшись от отцовской опеки, от всех моральных ограничений, он теперь может безраздельно отдаться всем прихотям своенравного сердца. Прошлого больше нет, существует только настоящее, полное многообещающей привлекательности, словно заря нового дня, а впереди манит безграничная ширь будущего. Он окружен друзьями, он в центре всего, жизнь радужна, и он еще не подозревает, что она не сдержит своих обещаний. Он полагает, что новые друзья льнут к нему бескорыстно; на самом деле люди относятся к нему точно так же, как он поступил по отношению к отцу: он существует для своих приятелей постольку, поскольку он богат и они могут попользоваться его мотовством. Они едят, пьют и веселятся; он полон радости, но как же далека эта радость от мирного и глубокого блаженства Царства Божиего, открывшегося на брачном пире в Кане Галилейской.

Но вот наступает время, когда иссякает богатство. По неумолимому закону, и земному и духовному (Мф.7, 2 — какою мерою мерите, такую и вам будут мерить), все оставляют его: сам по себе он никогда им не был нужен, и судьба его отражает судьбу его отца; он для друзей больше не существует, его удел — одиночество и нищета. Покинутый и отверженный, он терпит голод, холод и жажду. Его бросили на произвол судьбы, как сам он бросил своего отца. Но отец, хоть тоже покинут, богат своей несокрушимой любовью, ради которой он готов жизнь положить за сына, принять даже его отречение, чтобы сын мог свободно идти своим путем. Сына же ждет бесконечно большее несчастье — внутренняя опустошенность. Он находит работу, но это только увеличивает его страдание и унижение: никто не дает ему еды, и он не знает, как добыть ее. А что может быть унижительнее, чем пасти свиней! Для евреев свиньи символ нечистоты, как бесы, которых изгонял Христос. Его работа — образ его состояния; внутренняя нечистота соответствует обрядовой нечистоте свиного стада. Он достиг последнего дна, и теперь из этой глубины он начинает

оплакивать свое несчастье.

Подобно ему, мы чаще оплакиваем свои несчастья, чем благодарим за радости жизни, и не потому, что выпадающие нам испытания чересчур суровы, а потому что мы встречаем их так малодушно и нетерпеливо. Оставленный друзьями, отверженный всеми, блудный сын остается наедине с самим собой и впервые заглядывает в свою душу. Освободившись от всех обольщений и соблазнов, лжи и приманок, которые он принимал за освобождение и полноту жизни, он вспоминает детство, когда у него был отец, и он не должен был, словно сирота, скитаться без крова и пищи. Ему становится ясно, что нравственное убийство, которое он совершил, убило не отца, а его самого, и что та беспредельная любовь, с которой отец отдал свою жизнь, позволяет ему сохранять надежду. И он встает, оставляет свое жалкое существование и отправляется в дом отца с намерением пасть к его ногам в надежде на милость. Но не только воспоминание картины домашнего уюта — огня в очаге и накрытого к обеду стола — заставляют его возвратиться; первое слово его исповеди не «прости», а «отец». Он вспоминает, что на него была безгранично излита любовь отца, а из нее проистекали и все блага жизни. (Христос сказал: Ищите же прежде Царства Божия... и это все приложится вам.) Он возвращается не к чужому человеку, который не признает его, которому придется говорить: «Разве ты не помнишь меня? Когда-то у тебя был сын, который предал и покинул тебя — это я». Нет, из глубин его вырывается слово «отец», оно подгоняет его и окрыляет надеждой. И в этом он открывает истинную природу раскаяния: в настоящем раскаянии сочетаются видение нашего собственного зла и уверенность, что даже для нас есть прощение, потому что подлинная любовь не колеблется и не угасает. При одном только безнадежном видении наших проступков раскаяние остается бесплодным; оно исполнено угрызений совести и может привести к отчаянию. Иуда понял, что совершил; увидел, что его предательство непоправимо: Христос был осужден и умер. Но он не вспомнил, что Господь открыл о Себе и Своем Небесном Отце; он не понял, что Бог не предаст его, как он предал своего Бога. Он потерял всякую надежду, пошел и удавился. Мысль его сосредоточилась только на его грехе, на нем самом, а не на Боге, Отце Иисуса — и его Отце...

Блудный сын возвращается домой, потому что память об отце придает ему силу вернуться. Его исповедь мужественна и совершенна: Отче! Я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих. Он осужден собственной совестью, для себя у него нет оправдания, но в прощении есть тайна смирения, который мы должны учиться снова и снова. Мы должны учиться принимать прощение актом веры в любовь другого, в победу любви и жизни, смиренно принимать дар прощения, когда он предлагается. Блудный сын открыл отцу свое сердце — и значит, был готов

принять прощение. Когда он приближается к дому, отец видит его, бежит навстречу, обнимает и целует его. Как часто стоял он на пороге, всматриваясь в дорогу, по которой сын ушел от него! Он надеялся и ждал. И вот, наконец, день, когда его надежда исполнилась! Он видит своего сына, который покинул его богато разодетый, украшенный драгоценностями, ни разу не оглянувшись на дом своего детства, потому что все его помыслы и чувства были в неизведанном, манящем будущем; сейчас отец видит его нищим, в лохмотьях, совершенно подавленным бременем прошлого, которого он стыдится; и без будущего... как-то встретит его отец? Отче, я согрешил... Но отец не позволяет ему отречься от сыновства, он как бы говорит ему: «Вернувшись домой, ты вернул мне жизнь; когда ты пытался убить меня, ты убил себя самого; теперь, когда я вновь ожил для тебя, ты тоже вернулся к жизни!» И обернувшись к слугам, отец дает распоряжение: Принести лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги...

Многие переводы, в том числе русский, гласят «лучшую одежду», но в греческом и в славянском тексте говорится о «первой одежде». Разумеется, «первая одежда» могла быть лучшей в доме, но разве не более вероятно, что отец сказал слугам: «Пойдите и найдите ту одежду, которую мой сын носил в день, когда он ушел, ту, что он бросил на пороге, облекшись в ризу измены»? Если ему принесут лучшую одежду, бедняга будет чувствовать себя неуютно, словно ряженный; у него будет ощущение, что он не дома, а в гостях, и его принимают со всеми приличествующими гостеприимству знаками внимания и почета. В уютном домашнем кругу не надевают лучшую одежду. По контексту вернее думать, что отец посылает за одеждой, которую сын сбросил, а отец поднял, сложил и бережно спрягал, как Исаак хранил одежду, принесенную братьями Иосифа, — разноцветную одежду, испачканную, как он считал, кровью погибшего сына. Так и здесь, юноша сбрасывает свои лохмотья и снова надевает знакомую одежду, чуть поношенную, — она ему впору, по росту, уютна, она ему привычна. Он озирается: годы распутства, обмана и неверности, проведенные вне отчего дома, кажутся кошмаром, — словно их и не было вовсе. Он здесь, дома, как будто никуда и не отлучался; на нем одежда, к которой он привык. Отец рядом, только немного постарел, да морщины стали глубже. Вот и слуги, как всегда, почтительны и смотрят на него счастливыми глазами. «Он снова с нами, а мы думали, что он ушел навсегда; он вернулся к жизни, а мы боялись, что причинив смертельное горе отцу, он погубил свою бессмертную душу, уничтожил свою жизнь!»

Это возвращение изгладило пропасть, отрезавшую его от отчего дома. Отец идет и дальше — он вручает ему перстень, который не просто обычное кольцо. В древности, когда люди не умели писать, любой документ заверялся перстнем

с печатью. Дать кому-то свой перстень означало отдать в его руки свою жизнь, свое имение, семью и честь — все. Вспомните Даниила в Вавилоне, Иосифа в Египте: дарованием перстня со своей руки передают им царь и фараон власть управлять от их имени. Подумайте об обмене обручальными кольцами; этот обмен как бы говорит: «Я верю в тебя и полностью вверяю себя в твои руки. Все, что у меня есть, все, что я есть, безраздельно принадлежит тебе». У Кьеркегора есть такие слова: «Когда я говорю — моя страна, моя невеста, это означает, что не я обладаю ими, но что я всецело принадлежу им».

В притче приведен и другой пример этой отдачи самого себя. Сын потребовал половину богатства своего отца, пожелал обладать тем, что получил бы после его смерти, — и ему-то отец сейчас доверяется. Почему? Просто потому, что тот вернулся домой. Отец не просит отчета в том, что сын делал на стране далече. Он не говорит: «Когда ты мне все расскажешь о себе, я посмотрю, стоит ли доверять тебе». Он не говорит, как постоянно, прямо или косвенно, делаем мы, когда к нам приходит кто-то, с кем у нас была ссора: «Что же, я возьму тебя на испытание; попробуем восстановить нашу дружбу, но если я увижу твою неверность, все твое прошлое припомнится, и я прогоню тебя, потому что прошлое будет свидетельствовать против тебя, явно доказывая твою постоянную неверность». Отец ничего не спрашивает. Он не говорит: «Посмотрим». Он как бы подразумевает: «Ты вернулся. Постараемся вместе загладить ужас твоего отсутствия. Видишь, одежда, которая на тебе, говорит о том, что ничего не произошло. Ты такой же, каким был до ухода. Перстень, который я вручил тебе, служит доказательством, что я не питаю сомнений на твой счет. Все принадлежит тебе, потому что ты мой сын». И он одевает обувь на ноги его, чтобы, как пишет в Послании к ефесянам апостол Павел, они были обуты в готовности благовествовать мир.

Для пира закалывают откормленного тельца; этот пир — пир Воскресения, уже пир жизни вечной, трапеза Агнца, пир Царствия. Сын, который был мертв, ожил; он, потерявшийся в земле чуждой, в безвидной пустыне, как говорится в начале книги Бытия, вернулся домой. Отныне сын в Царстве, потому что Царство это — Царство Любви, Царство Отца, Который любит его, спасает, восстанавливает и возвращает к жизни.

Но тут появляется старший сын. Он всегда был хорошим работником в доме отца, и жизнь его безупречна. Но он так и не понял, что главное в отношениях отцовства и сыновства — не работа, а сердце, не долг, а любовь. Он во всем был верен; но отец у него был, сам он был сыном — только внешне. И брата у него не было. Прислушайтесь к тому, что он говорит отцу. Услышав пение и ликование, он подзывает слугу и спрашивает, что все это значит, А слуга

отвечает: Брат твой пришел, и отец твой заколол откормленную теленка, потому что принял его здоровым. Старший сын осердился и не хотел войти. Отец выходит звать его, но тот говорит: Вот, я столько лет служу тебе (слово «служить» по-гречески и по-латински сильное слово, оно означает рабскую обязанность выполнять всякого рода неприятную работу) и никогда не преступал приказаний твоего... Он мыслит только в категориях приказаний и преступлений; он никогда не уловил за словами — содержания, в голосе — сердечности, теплоты совместной жизни, в которой и у него и у отца своя роль, — для него все это сводилось к приказаниям и обязанностям, которые он никогда не нарушал. Но ты, — продолжает он, — никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, растративший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка. Обратите внимание, что он говорит «сын твой», а не «брат мой»: он не желает иметь ничего общего с этим братом. Я знал подобную семью: отец души не чаял в дочери, а сына считал своим несчастьем; он всегда говорил жене: «моя дочь», но «твой сын».

Итак, перед нами ситуация «сын твой». Если бы блудный был «брат мой», все было бы иное: он не преступал бы приказаний отца, но и не получил бы откормленного теленка. Как же отвечает отец? Сын мой! ты всегда со мною, и все мое твое. Отец считает его своим сыном. Да, он сын ему, они всегда вместе, рядом. Для сына же не так: они в полном согласии — а это не одно и то же. У них нет общей жизни, хотя нет и разделения, — они живут вместе, но без единства и глубины. (Все Мое Твое — слова из молитвы Христа Отцу перед предательством.) А о том надобно было радоваться и веселиться, — продолжает отец, — что брат твой сей был мертв и ожил; пропадал и нашелся.

Итак, путь ведет из глубин греха в отчий дом. Вот что предстоит нам, когда мы решаемся не зависеть больше от общественного мнения и избрать критерием поведения суд Божий, звучащий в голосе совести, открывающийся в Писании, явленный в личности Того, Кто есть Путь, Истина и Жизнь. Как только мы соглашаемся, чтобы Бог и совесть были нашим единственным судьей, пелена спадает с наших глаз; мы становимся способны видеть и понимаем, что такое грех: действие, отрицающее личную реальность Бога и тех, кто нас окружает, сводящее их до положения предметов, которые существуют лишь постольку, поскольку мы можем пользоваться ими без ограничений. Осознав это, мы можем вернуться в себя, освободиться от всего, что крепко держит нас, словно в плену, можем войти в себя и очутиться лицом к лицу с блаженством, которое для этого юноши представляло его детство, время, когда он еще жил в отчем доме.

Вы, наверное, помните то место в конце Евангелия от Матфея, где Христос велит Своим ученикам вернуться в Галилею. Они только что пережили самые ужасные, мучительные дни в своей жизни. Они видели своего Господа в кольце ненависти, видели, как Он был предан, сами по слабости изменили Ему: в Гефсиманском саду их одолел сон и они разбежались при появлении Иуды. Двое из них издали следовали за своим Господом и Богом до двора Каиафы, где они остались со слугами, а не с Ним, как Его ученики. Один из них, Петр, на тайной вечери сказал, что останется верным, если и все Ему изменят, — и он трижды отрекается от Учителя. Они видели Страсти Христовы. Они видели, как Он умирал. И вот они видят Его живым рядом с собой. Иудея олицетворяет для них пустыню, опустошенность, конец всякой жизни и надежды. Христос отсылает их обратно в Галилею: «Идите туда, где вы впервые увидели Меня, где мы близко общались в обыденной жизни, где не было еще боли, страдания, предательства. Вернитесь к тем дням, когда все было полно невинности и безграничных возможностей. Вернитесь в прошлое, в его глубины. Идите, научит все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам».

Возвращение вглубь своего «я» ведет в глубину, где мы впервые увидели жизнь, познали жизнь, где мы были живы в Боге вместе с другими людьми. Только из самой сердцевины этого оазиса прошлого, далекого или близкого, можем мы отправиться в дорогу, в обратный путь с обращением «Отче», а не «Судия» на устах, с исповеданием греха и с надеждой, которую ничто не в силах уничтожить, с твердой уверенностью, что Бог никогда не допустит нашей униженности, что Он стоит на страже нашего человеческого достоинства. Он никогда не позволит нам стать рабами, ибо Его творческим Словом и нашим предназначением мы призваны быть сынами и дочерьми Его по усыновлению. Мы можем идти к Нему с полным доверием, зная, что Он ждал нас все то время, пока мы и не вспоминали о Нем. Он Сам выйдет нам навстречу, когда мы нерешительно приближаемся к дому. Он Сам заключит нас в объятия и оплатит наше жалкое состояние, измерить которое мы не умеем, потому что не знаем, ни откуда мы пали, ни сколь высокое призвание презрели. Мы можем идти к Нему в уверенности, что Он оденет нас в первую одежду, в славу, которой Адам лишился в раю. Он облечет нас во Христа, в Котором вся первожданность, более ранняя, чем весенняя свежесть, в которой мы были рождены. Он — человек, каким его задумал, возжелал Бог. В Него мы должны облечься. Слава Духа Святого покрое нас, обнаженных грехом. Теперь мы знаем, что как только мы возвратимся к Богу, Он вернет нам Свое доверие, даст нам перстень, силой которого Адам разрушил гармонию, вызванную к бытию творческой волей Божией; перстень Единородного Сына, Который умер на кресте из-за

человеческого предательства и Чья смерть была победой над смертью; Чье Воскресение и Вознесение — наше возвращение — уже эсхатологически осуществились в полноте единения с Отцом.

Когда мы возвращаемся в отчий дом, когда остаемся лицом к лицу с судом нашей совести и Бога, суд этот не основывается на глубине нашего богословского видения, он основывается не на том, что один только Бог может нам дать как путь приобщенности к Его жизни. Божий суд основывается на одном: «Ты — человек или ты ниже достоинства человека?» Вы, вероятно, вспомните в этой связи притчу об овцах и козлищах у Матфея (25,31-46): Господи! когда мы видели Тебя алчущим... или жаждущим... или странником... или нагим... или больным... или в темнице?.. Если мы не умеем вести себя, как человек, мы никогда не поймем, как вести себя по-Божьи. Если мы возвратились в Отчий дом, если мы должны облечься во Христа, если сияние Духа должно исполнить нас, если мы хотим совершить наше призвание и стать истинными детьми Божиими, Его сынами и дочерьми, мы должны прежде всего изо всех сил постараться добиться того, что в нашей власти — стать человеческими, поскольку чувства товарищества, сострадания, милосердия заложены в нас, независимо от того, хороши мы или дурны.

Мы можем возвратиться к Отцу. Мы можем возвратиться с доверчивой надеждой, потому что Он — хранитель нашего достоинства. Он хочет нашего спасения. Он требует только одного: Сын Мой, отдай сердце твое Мне, все остальное Я сам приложу, — как говорит Премудрый. Эта дорога шаг за шагом ведет нас оттуда, где мы находимся, слепые, вне Царства, хотя страстно желаем увидеть его полноту внутри себя и победу его над всем вокруг; эта дорога ведет нас туда, где мы окажемся перед судом Божиим. Мы видим, как прост этот суд, как велика должна быть в нас надежда и как в этой надежде мы можем идти к Богу, твердо зная, что Он Судия, но в первую очередь Он — Искупитель наш, Тот, Кому человек настолько дорог, драгоценен, что мера, цена нашего спасения в Его очах — вся жизнь, вся смерть, все бремя и богооставленность, весь ужас, который претерпел Единородный Сын Божий.

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга
<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45

Проезд: ст. метро "Петроградская"

Телефон: +7-812-234-24-27